

МУРЗИЛКА

№ 3

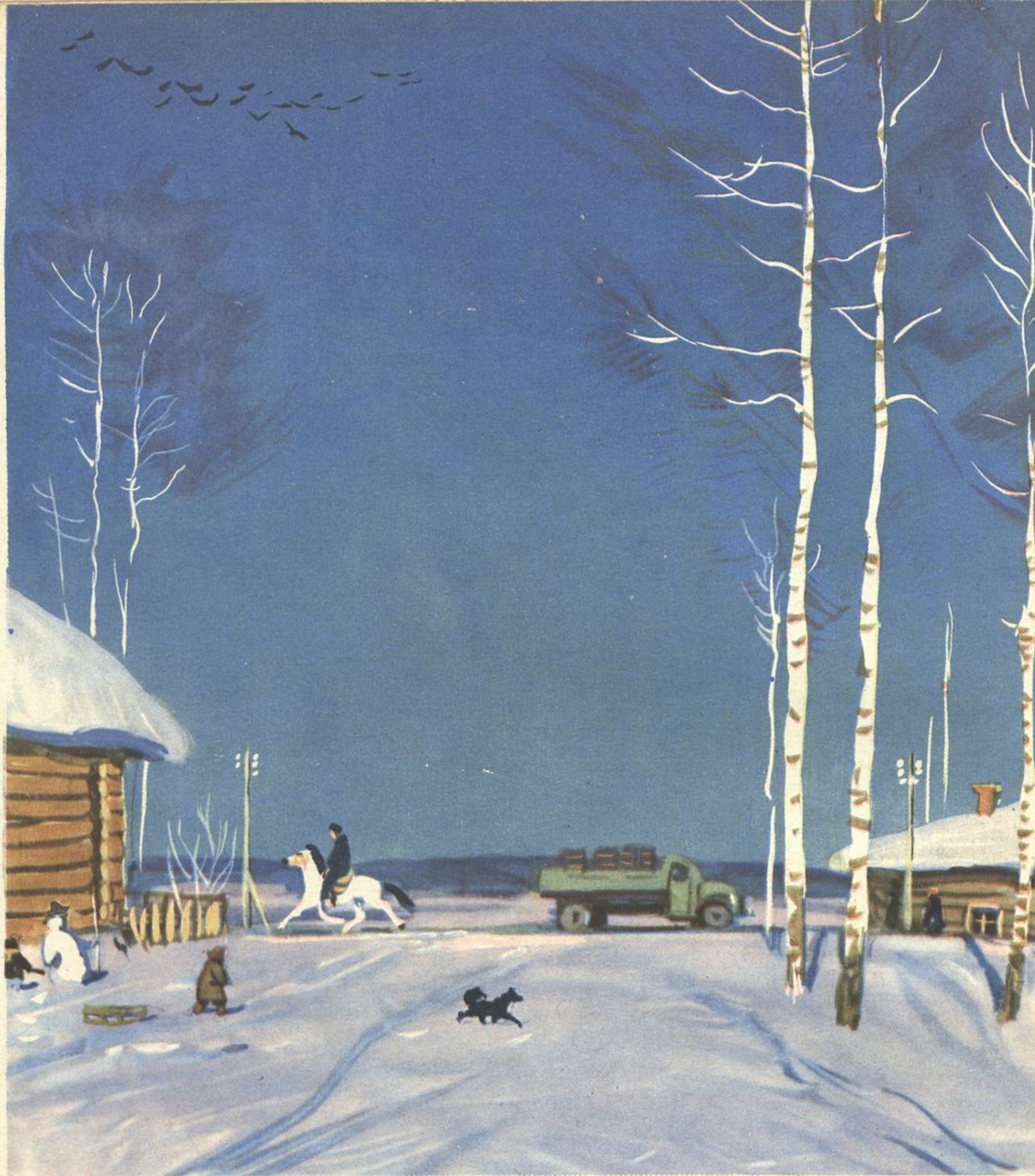
Журнал Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ
1960

XV 63
11

1
Государственный наг
орден Ленина
ЕИЕЛ ТЕКА
СССР
В. И. ЛЕНИНА

МАРТ

Третий месяц у ворот —
Это к солнцу поворот.

Зимний сторож Снеговик
Ёжится, мрачнеет.

Старый к холоду привык,
Он в тепле худеет.

Верба за моим окном
Почки распушила —
Раньше всех в краю родном
Расцвести решила.

Принесу я ветку в дом
И на стол поставлю.
Завтра утром с женским днём
Маму я поздравлю.

Ю. КОРИНЕЦ
Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Китобой

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
И-61-2145

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Борис ЕМЕЛЬЯНОВ

Отец Кольки Воробьёва плавал в океане на китобазе «Алеут». Третьеклассник Воробьёв Николай по этой причине считался в школе китобоем. Даже пятиклассники спрашивали у него, как стреляет гарпунная пушка.

Когда Николая Воробьёва приняли в пионеры, вожатая Маша Лебедева сразу дала ему поручение: рассказать про китов малышам из первого класса «Б». Им будет интересно послушать.

— Рановато им про китов, Марья Васильевна, — сказал Колька хмуро. — Ладно, дело ваше. Расскажу. Не трудно.

Колька вышел из учительской развалистой походкой старого моряка и на лестнице, не теряя времени, ухватил за косу девочку Наташку, как раз из того самого класса, который ему был нужен. Наташка пискнула.

— Не пищи, — сказал Воробьёв сурово. — Скажи ребятам: кто хочет слушать про китов, пусть соберутся в раздевалке после уроков. Рассказывать буду я.

— Пустя, — деловито сказала Наташка. — Кто будет рассказывать — не скажу. Никто не придёт.

Слушать про китов пришли восемь мальчишек и сама Наташка.

— Садитесь сюда, на калошницу, — сказал Николай. — Кит — животное млекопитающее.

— А жираф? — спросил рыжий, самый маленький мальчишка.

— Что жираф?

— Жираф! — мечтательно сказал рыжий мальчишка. — Жираф тоже.

— Давай! — сказал обиженно Воробьёв.

— Чего давай?

— Рассказывай про жирафа.

— Не хочу, — сказал рыжий. — Сам рассказывай, если взялся.

— Я и рассказываю, — сказал Николай сдержанно. — А ты не мешай. Кит — зверь.

— Рыба, — сказал рыжий мальчишка, глядя в окно.

— Нет, — сказал Николай. — Кит — животное.

— Мама читала книжку, — сказал из угла чернявый мальчишка, подмигивая хитрым косым глазом. — В книжке написано: рыба-кит.

— Это сказка, — авторитетно заявила Наташка. — Про Конька-Горбунка. Там такой кит есть. Рыба!

— Продолжаю, — сказал Николай Воробьёв. — Кит — зверь большой и страшный.

— Слон больше, — задумчиво сказал рыжий мальчишка. — Я думаю.

— Думают индейские петухи, — сказал Николай.

— Расскажи и про петухов, — попросил рыжий. — Они думают о чём?

Разговор пришлось на пару дней отложить.

До поздней ночи об индейских петухах, слонах, жирафах, китах и первоклассниках думал Николай Воробьёв. Можно, конечно, было пойти к вожатой и к учительнице и отказаться от трудного дела. Кто их знает, как с ними надо разговаривать, с ма-

лышами! Но отказаться от первого пионерского поручения было стыдно.

Утром Николай всё рассказал товарищам и попросил у них помощи.

— Не могу один, — сказал он с отчаянием. — Это такие дотошные жуки, ужас! Я им говорю: кит, а они мне говорят: слон. Я говорю: у кита усы, а они говорят: у слона клыки. Вы, ребята, можете мне помочь. Им на такого кита, которого они в глаза

не видели, наплевать; им нужен не разговор, а наглядное пособие в натуральную величину...

В воскресенье вожатая Маша Лебедева вышла на лыжах к реке, как раз против школы. Горбатый, ещё не накатанный спуск лежал у неё под ногами. Напротив берег поднимался от реки пологой широкой горой, и с него то и дело скатывались на лёд чёрные фигурки. Самые маленькие копошились посередине реки, на льду. Что они там нашли и почему столпились?

Маша резко оттолкнулась палками и пошла вниз. Снег перед ней будто взорвался и за клубился белым дымом. Что там произошло необыкновенного? На большом снежном сугробе среди мальчишек она увидела Николая Воробьёва. Он стоял, как Наполеон, скрестив на груди руки.

— Кит! Кита давай! — орали вокруг малыши.

— Вот так кит! — ахала маленькая девочка в розовом капоре. — Ай, какой кит!

Что за кит? Откуда взялся кит? Рядом с Машей громко засмеялась Наташка. Иней покрывал её волосы. Мокрые рукавички дымились на морозе: видно, немало пришлось ей повозиться в снегу.

Маша взглянула подальше и... увидела кита — огромное голубое чудовище.

Кит был нарисован с полным пониманием дела, точно вылеплен на снегу; даже китовые усы ему удалось приделать из прутьев и старого камыша. Казалось, он плыл по замёрзшей реке в далёкое море. Вокруг кита в полном восторге плясали первоклассники.

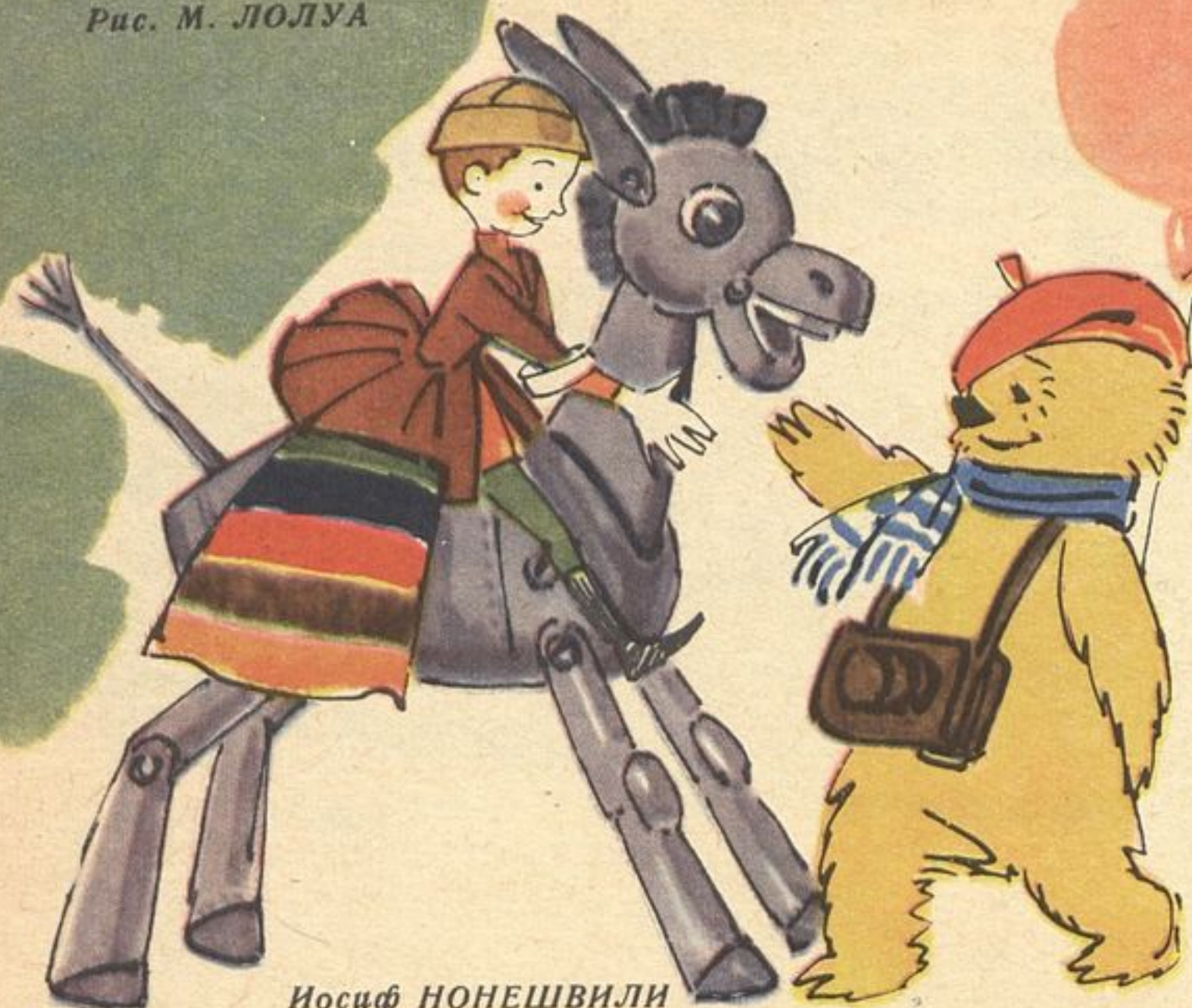
— Не могли они меня понять, — с достоинством объяснил Маше Николай Воробьёв. — Я им говорю: большой кит! А они спрашивают: «А ты его видел? Откуда знаешь? Неправда». Ну, я тогда позвал наших ребят на помощь, и мы соорудили им кита в полный рост. Тридцать метров длины. Десять метров одна голова. Вот они и ахнули. А я говорю: будете теперь слушать? Говорят, будем. Час я им на морозе рассказывал про китов и даже прибавил про тюленей. Вытерпели. Слышите, как распевают?

На реке гремела весёлая песенка, сложенная, видно, самими малышами.

Тра-та-та, тра-та-та!
Мы споём вам про кита.
Замечательный вид —
Удивительный кит!

Маша повернула к дому. Всё было в порядке. Колька-китобой оказался парнем смышлёным.

Рис. М. ЛОЛУА

Иосиф НОНЕШВИЛИ

ЦВЕТУЩИЙ САД

Я о Грузии пою.
Люди Грузию мою
Нарекли цветущим садом.
Сад велик. Окинуть взглядом
В нём богатств не сможешь всех:
Вот инжир растёт,
а рядом
Грецкий висится орех.

Чай, наверно, любишь ты!
Здесь, где дни бывают жарки,
Чайные растут кусты,
На которых для заварки
Зреют чайные листья.

Сочным сделаться стараясь,
Виноград — взгляни, дружок, —
В путь пустился, опираясь
На высокий посошок.

Что такое цитрус! Это
С жёлтой кожей лимон.
Твой ответ — лишь пол-ответа.
Погляди: со всех сторон

Апельсины, мандарины
Так и просятся в корзины,
Так и просятся к нам в рот,
Ароматны, краснокожи.
Знай: их цитрусами тоже
Называет садовод.

Перевёл с грузинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

„ДИЛА“ В ГОСТЯХ

Кетеван ЧИЛАШВИЛИ

РУСТАВИ

Рустави — один из самых молодых городов Грузии. Он находится недалеко от Тбилиси — столицы Грузинской ССР. Его начали строить совсем недавно, шестнадцать лет тому назад, на месте древнего города Рустави.

Название своё город получил от канала. Канал по-древнегрузински «ру». Начало, голова канала (рустави), было в самом городе, поэтому город и стали называть Рустави.

Много веков назад Рустави был разрушен иноземными захватчиками, и на его месте осталась сухая, выжженная солнцем степь.

Советские люди решили построить на месте древнего города металлургический завод-гигант и новый, социалистический город.

Первый эшелон со строителями прибыл из Челябинска. Тепло встретили друзей строители Грузии. Закипела работа, загудели экскаваторы, зашумели бульдозеры. Город рос не по дням, а по часам. Не щадя сил, работали первые строители Рустави. Им помогала вся страна. Из города Соликамска прислали сборные дома, из Ленинграда — электрооборудование, из Свердловска — трубопрокатный стан. И Славянск,

ЗАГАДКИ

БЫК ЖЕЛЕЗНЫЙ,
А ХВОСТ БУМАЖНЫЙ.

ПРИВЯЖУ — ХОДЯТ,
ОТВЯЖУ — СТОЯТ.

У „МУРЗИЛКИ“

и Киев, и Алма-Ата, и Ереван не остались в долгу у друзей. Так был построен город и Закавказский металлургический завод — гордость нашей страны. Далеко видны огромные корпуса завода, высоченные трубы, домны. Гудят мартеновские печи. Плавится металл. Сталевары в тёмных очках с напряжённым вниманием следят за плавкой. Стране нужно много металла, и металл высокого качества.

В Рустави уже построены и другие заводы. Но с каждым годом город растёт, расширяется. Строят красивые жилые дома, разбивают парки и скверы, высаживают тысячи деревьев. Так советские люди превращают серую, безжизненную степь в красивейший город.

Вот, гляди, гора большая,
А за ней — ещё гора.
На неё взбираться долго,
Может, до утра.

Заберусь, и там ракету
Я построю в вышине,
А потом в ракете этой
Полечу к Луне.

Я промчусь, промчусь по небу,
Облечу кругом Луну
И на звёзды голубые
Тоже загляну.

Я вернусь, не бойся, мама,
Только в небе покружу,
И тебе про звёзды, мама,
Всё я расскажу.

Перевёл с грузинского Я. АКИМ

И. СИХАРУЛИДЗЕ

МЕЧТЫ ЗУРИКО

Мама, как достать до неба?
На горах лежит оно?
Мне его рукой потрогать
Хочется давно.

ПОСЛОВИЦЫ

На одном месте и камень мхом зарастает.

Коль жёрнову жёрнов помочь не сумеет,
Каждый из них ни горсти не смеет!

Мал топорик, да большую чинару валит.

К. ГОГИАШВИЛИ

МАЛЕНЬКИЕ СТРОИТЕЛИ

Решили как-то дети
Построить куклам дом
Над речкой серебристой,
На берегу крутом.

С песком и кирпичами
Возился весь наш двор.
Просеивали известь,
Готовили раствор.

Потом рубанком доски
Строгали целый день.
Сложили крепко стены,
Сплели густой плетень.

Фундамент заложили
Из камушков с реки,
Утрамбовали землю
Ребячьи каблук.

Покрыли черепицей —
И встал для кукол дом
Над серебристой речкой,
На берегу крутом.

Перевёл с грузинского Г. ОНАНЯН

ГОРОД В МОРЕ

С. ПОЛЕТАЕВ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Когда в море начинался шторм, Артёмка влезал на карниз крыльца, добирался по гремющей крыше до шеста, на котором хлопал флюгер, и поверх домов всматривался в пенящуюся кромку берега. Там, приваленная камнем, лежала кверху днищем лодка. Волны с шипением облизывали борта, пытаясь утянуть её в море.

— Слезай, кому говорят! — кричала мать, выскакивая во двор, но Артёмка сильнее прижимался к шесту и смотрел, пока не начинали слезиться глаза.

— К вечеру затишет, — говорил он и неохотно спускался вниз.

— Приедет отец, задаст он тебе!

Отец Артёмки, буровой мастер, работал в море. Корабль увозил его далеко-далеко, за сотню километров от Баку, туда, где раньше плавали только моряки, а с недавних пор появился город.

В этом городе всё было как в настоящем: по улицам бегали грузовики, над крышами летали голуби, а по вечерам в домах включали телевизоры. Но это был город не совсем обыкновенный — под ним была вода. Под его улицами плескались волны, проплывали рыбы стаи, а в зелёной глубине зыбко чернели подводные скалы... Это был город в море. Он стоял на эстакаде — подвесной дороге — и упирался в морское дно сваями-ногами. Здесь, под толщей воды, в морском дне таились несметные запасы нефти. Люди пришли сюда на кораблях, построили город, слева и справа от эстакады поставили вышки — и вот уже к берегу один за другим потянулись тяжёлые танкеры с нефтью.

Когда поднимался шторм, весь город качался. Корабли снимались с якорей и уходили в море, чтобы своими бортами не сбить эстакаду. На мачте вывешивались штормовые шары, они вид-

нелись издали, и все в городе знали, какой силы шторм. В ненастье лучше не выходить на эстакаду — ветер уносил в море всё, что держалось непрочной, а волны, как звери, бросались на сваи, словно хотели утопить дома, нефтяные вышки — всё, что с таким трудом построили люди.

Артёмка знал, что отца и его бригаду шторм нередко заставлял на отдельных вышках, вдали от эстакады. По несколько суток приходилось штормовать в открытом море, не прекращая буровых работ, а это не то что на крыше стоять, держась за флюгер.

В городе жили разные люди: нефтяники, служащие, матросы. Даже дворники и милиционеры. Не было только детей. По вечерам в кинотеатре шли картины, но возле касс не толпились мальчишки. Над городом летали голуби, но никто не подсвистывал снизу. И возле рыбаков, которые ловили бычков с крыльца, не видно было ребят.

Когда отец возвращался домой, Артёмка не отходил от него ни на шаг.

— Как там в шторм, пап, здорово качает, а?

— Да так... Обыкновенно.

— Ну, а если вышка не выдержит, что тогда?

— Всякое бывает. На то оно и море...

— Значит, ничего опасного?

— Да что опасного, говорю — обыкновенное дело...

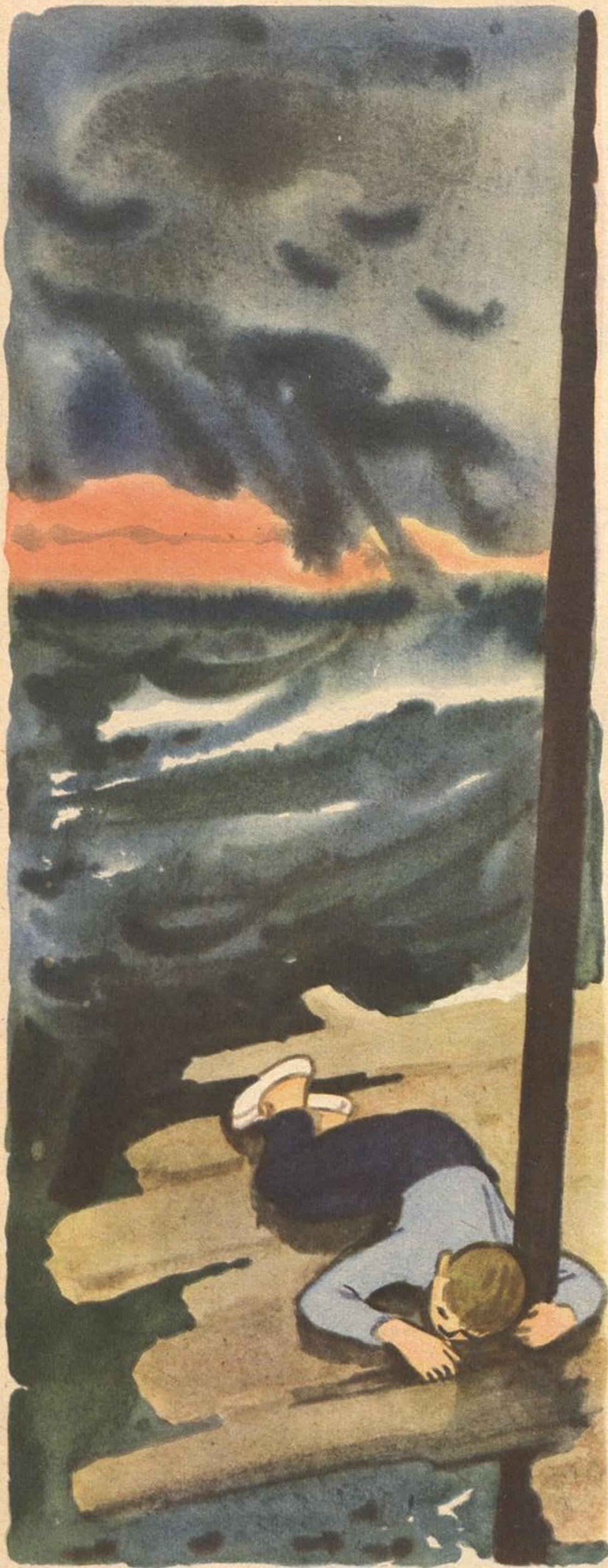
Артёмка обнимал отца и с дрожью в голосе просил:

— Ну, тогда возьми меня с собой, ладно?

Отец усмехался.

— Эк лиса! — И огромной своей пятернёй лохматил жёсткие волосы сына.

Часто Артёмка уходил на лодке в море. Он заплывал далеко, посёлок скрывался из виду.

А возвращаясь, рассказывал, будто был в городе и видел отца.

— Завракался! — смеялись ребята. — Воды, что ли, солёной наглотался?

Но Артёмка не унимался. Он рассказывал о затопленных кораблях, в трюмах которых жили первые строители города, о пожарниках, которые прославились, туша нефтяные пожары. Называл корабли по именам, будто своими глазами видел их, а пожарников — по фамилиям, словно лично был с ними знаком.

— А дома там, знаете, как качаются в шторм? Если не привяжешься к постели, вылетишь в окошко. Запросто! А вместо подушек под головой спасательные круги. Неудобно, конечно, да что поделаешь...

Он даже уверял, что видел, как повар качает рыбу из моря насосом, и ребята переглядывались, не зная, верить ему или нет.

Артёмка мечтал хоть раз вернуться в посёлок вместе с отцом в толпе нефтяников, когда навстречу выбегают женщины и ребята, встречая своих. Он уплывал в море и нередко часами ждал отца, наблюдая за берегом, где проходила дорога в посёлок.

Однажды Артёмка заплыл особенно далеко. Он вспугивал веслом низко пролетающих чаек и громко распевал. И вдруг увидел вышку.

Сюда он ещё не заплывал. Это была старая, давно заброшенная вышка, стоявшая прямо в море, недалеко от берега.

Артёмка пришвартовался, обмотал канатом сваю и по трапу вскарабкался вверх. С площадки море словно раздвинулось, стало больше и шире. Здесь он решил подождать отца, чтобы вместе вернуться домой. Он разлёгся на досках и представлял, как идут нефтяники. Усталые, но радостные, ступив на твёрдую землю, они незнакомо оглядываются вокруг. Ведь всё это — землю, траву, деревья, виноградники — не видели они десять дней, живя в море! Пройдёт много-много лет, и когда-нибудь он, Артёмка, тоже будет возвращаться домой, и кто-то, наверное, выйдет его встречать...

Размечтавшись, Артёмка не заметил, как потемнело море. Небо, ещё недавно чистое, низко нависло над вышкой. Под рубаху забрался холодок. Артёмка поёжился и встал. По морю гряда за грядой быстро неслись волны, с гребней срывались хлопья. Начинался шторм. Артёмка глянул вниз: лодка ныряла в волнах вдали от вышки...

— Э-эй! — крикнул он, словно кто-то сидел в ней и нарочно угонял. — Стой!..

Он спустился по скользкому трапу, нащупал ступнёй последнюю ступеньку и хотел уже вплавь нагнать лодку, но по самые плечи его окатила холодная волна. Задыхаясь, он вскарабкался вверх. Ветер вырвал рубаху из-под пояса и вздул пузырьём. Артёмка лёг на доски — теперь ветер не собьёт его с ног — и смотрел

на бегущее море. Лодка, уже маленькая, то вставала на гребне торчмя, то опрокидывалась вниз, а вскоре и вовсе исчезла из виду, прибавшись к берегу.

С гулом накатывались волны, заливая площадку. Вода с шипением просачивалась в щели и дождём проливалась вниз. Вышка раскачивалась и скрипела, упиралась ржавыми сваями в морское дно, сдерживая бешеный натиск воды.

С каждой новой тяжёлой волной Артёмка только крепче прижимался к трубе, закрывал глаза, сдувал с губ солёную пену. Когда вода уходила вниз, он расслаблял руки и немного отдыхал.

Наутро шторм затих. В тучах засветились голубые окна, из них — то из одного, то из другого — выглядывало холодное солнце. Артёмка

увидел близкий берег и людей на нём. К вышке, покачиваясь на волнах, шла знакомая лодка — его лодка! — и за вёслами сидел отец.

Потом Артёмка, словно во сне, шёл в толпе нефтяников. На его плечах болталась негнушаяся куртка отца, от неё так вкусно пахло табаком и нефтью. Он дремал на ходу, спотыкался, стараясь идти в ногу с отцом. Вокруг посмеивались взрослые, похлопывали его по плечу. А из посёлка навстречу торопились ребята и женщины, и среди них была мать — в платке, упавшем на плечи, бледная, с тёмными глазами.

Артёмка насупился и остановился. Встреча с матерью не предвещала добра. Но отец крепко сжал его маленькую шершавую руку.

— Ничего, сынок, — сказал он. — Высидел шторм на вышке, теперь ничего не страшно...

Так Мурзилка будет рассказывать о своих приключениях через 20 лет (в 1957 году).

Рис. Л. СМЕХОВА

В. ЛИФШИЦ

Рис. А. БРЭЯ

Послушайте, ребята, одну интересную историю. Когда ваши папы и мамы были маленькими, они тоже читали журнал «Мурзилка». В октябре 1937 года раскрыли они журнал и увидели такую картинку: стоит на сцене Мурзилка и рассказывает о своём полёте на Луну. Под рисунком подпись: «Так Мурзилка будет рассказывать о своих приключениях через 20 лет (в 1957 году)».

Прошло 20 лет... И вот в 1957 году советские люди запустили первый искусственный спутник. За ним — второй и третий. А потом в небо взвились ракеты. Одна из них стала спутником Солнца, другая доставила на Луну наш советский вымпел, а третья сфотографировала невидимую сторону Луны.

Теперь Мурзилка решил осуществить свою мечту и отправиться в межпланетное путешествие.

(См. стр. 12, 13, 14.)

Послав читателям поклон,
Мурзилка сел в ракету:
Перелететь желает он
С планеты на планету!

Был у Мурзилки раньше вес,
А нынче нет в помине!
Поскольку вес его исчез,
Он плавает в кабине!

К Мурзилке Бобик подбежал,
Обнял щенка Мурзилка,
А тот Мурзилку облизал
От носа до затылка.

Тут разыгрался аппетит,
Попить бы тоже надо,
Но где-то в воздухе висит
Бутылка лимонада!

— Домой, домой
Беги теперь!
Не то получишь трёпку!.. —
Прикрыл Мурзилка
Плотно дверь,
Нажал Мурзилка кнопку.

И где-то в воздухе парят
Котлеты и конфеты,
И даже фотоаппарат
И прочие предметы!..

Взвилась ракета в небеса
И в тот же миг умчалась,
Лишь в синем небе полоса,
Как снег, белеть осталась.

И вдруг почти у потолка,
Где плавал вкусный ужин, —
Кого б вы думали! — щенка
Мурзилка обнаружил!

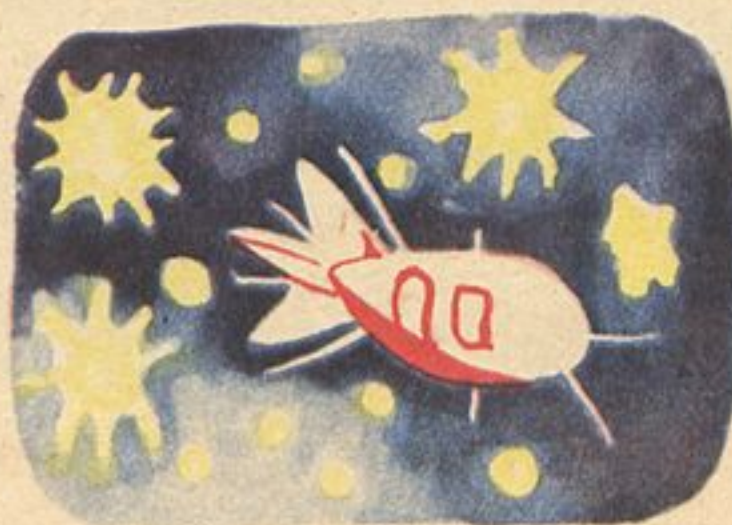
— Прощай, любимая Земля!
Прощайте, сёла и поля!
Москва, прощай, и Волга!
Лечу от вас надолго!..

А тот котлет ему достал,
Помог поймать бутылку
И долго хвостиком вилял,
Приветствуя Мурзилку.

Всё больше звёзд
Со всех сторон,
И всё быстрее движенье.
Вот за пределы вышел он
Земного притяженья.

Луна громадная в стекло
Глядит на них снаружи.
А им уютно и тепло,
И дружно съеден ужин.

Мурзилка спит под потолком,
Ему и горя мало!
С ним рядом — Бобик.
Он тайком
Залез под одеяло...

Нет ни деревьев, ни травы,
Лишь горы да овраги.
И в море имени Москвы
Они не видят влаги.

А утром к ним вернулся вес,
Который временно исчез!

Тут, завершая свой полёт,
Ракета накренилась,
Дала сигнал, замедлив ход,
И плавно прилунилась.

Совсем сухое с давних пор,
Оно лежит средь лунных гор.
Ну что же, мы не спорим,
Пускай зовётся морем!..

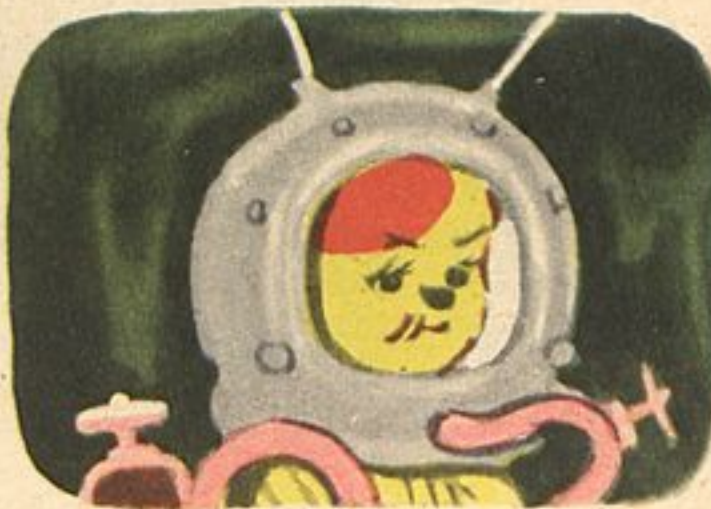
— Мы на поверхности Луны
С её обратной стороны!
Давай-ка, Бобик, выйдем!
Что мы на ней увидим!..

Заряжен фотоаппарат —
Мурзилка снять
Спешит подряд
Все лунные пейзажи:
Долины, горы, кряжи.

Они шагают по Луне
И дышат через трубки!
(Когда-то делались во сне
Подобные поступки.)

Он снял хребет Советский
И кратер Циолковский;
И кратер Ломоносов
Он снял в кольце утёсов!

Подъём на скалы
Очень крут,
Но наш Мурзилка весел:
В шесть раз он меньше
Весил тут,
Чем на Земле он весил!

А вот снимает «Зоркий»
Их с Бобиком под горкой.
— Любая ноша на Луне,
Как силачу, легка мне! —

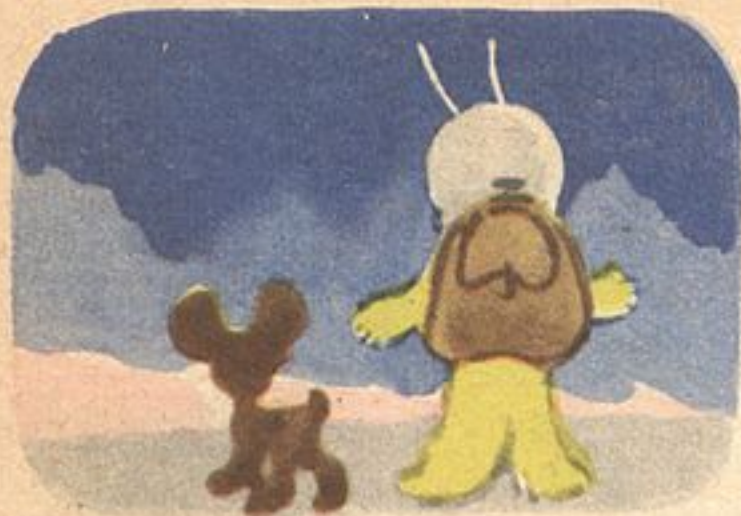

Мурзилка делает шажок,
А получается прыжок!
Вот Бобик хвостик выгнул
И пропасть перепрыгнул!

Уже лежат в мешке на дне
Диковинные камни:
Мурзилка их собрал вокруг
Для Академии наук.

— Снесём-ка их в ракету! —
Глядит — ракеты нету...

— Мы заблудились! Вот беда!
Могло же так случиться!..
Нам, бедный Бобик, никогда
Домой не возвратиться!.. —

Мороз крепчает, меркнет свет,
Конец друзьям приходит...
Но верный Бобик ищет след.
Он ищет — и находит!

Скорей в ракету! Спасены!
Теперь домой летим с Луны!
Как всё-таки приятно,
Когда летишь обратно!

Со всей округи детвора
Их радостно встречает,
Кричит им громкое «ура»
И весело качает!

— А вот, профессор,
Мой мешок! —
Профессор камушки извлёк,
Взял компас он — и стрелка
Запрыгала, как белка!

— Мурзилка наш
Не зря летал, —
Он на Луне нашёл металл!

ДЕВУШКА В ВОЕННОМ КОСТЮМЕ

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

Почти целая неделя прошла для меня благополучно, а в субботу я получил сразу две двойки: по русскому и по арифметике.

Когда я пришёл домой, мама спросила:

— Ну как, сынуля, вызывали тебя сегодня?

— Нет, не вызывали, — сказал я.

А в воскресенье утром всё открылось. Мама взяла из портфеля мой дневник и увидела двойки.

— Юрий, — сказала она, — что это значит?

— Это случайно, — ответил я. — Учительница вызвала меня на последнем уроке, когда почти уже началось воскресенье...

— Ты просто врун, — сердито сказала мама и перестала со мной разговаривать.

А тут ещё папа ушёл к своему приятелю и долго не возвращался. А мама ждала его, и настроение у неё стало совсем плохое.

Я сидел в своей комнате и не знал, что мне делать. Вдруг вошла мама, одетая по-праздничному, и сказала:

— Когда придёт папа, покорми его обедом.

— А ты скоро вернёшься?

— Нет, — ответила мама и ушла.

Я вздыхал и достал учебник по арифметике. Не успел я его раскрыть, как кто-то позвонил.

Я думал, что вернулся, наконец, папа, но на пороге входной двери стоял высокий, крупный незнакомый мужчина.

— Здесь живёт Нина Васильевна? — спросил он.

— Здесь, — ответил я. — Только мамы нет дома.

— Разрешите подождать? — Он протянул мне руку. — Сухов, товарищ твоей мамы.

Сухов прошёл в комнату, сильно припадая на правую ногу.

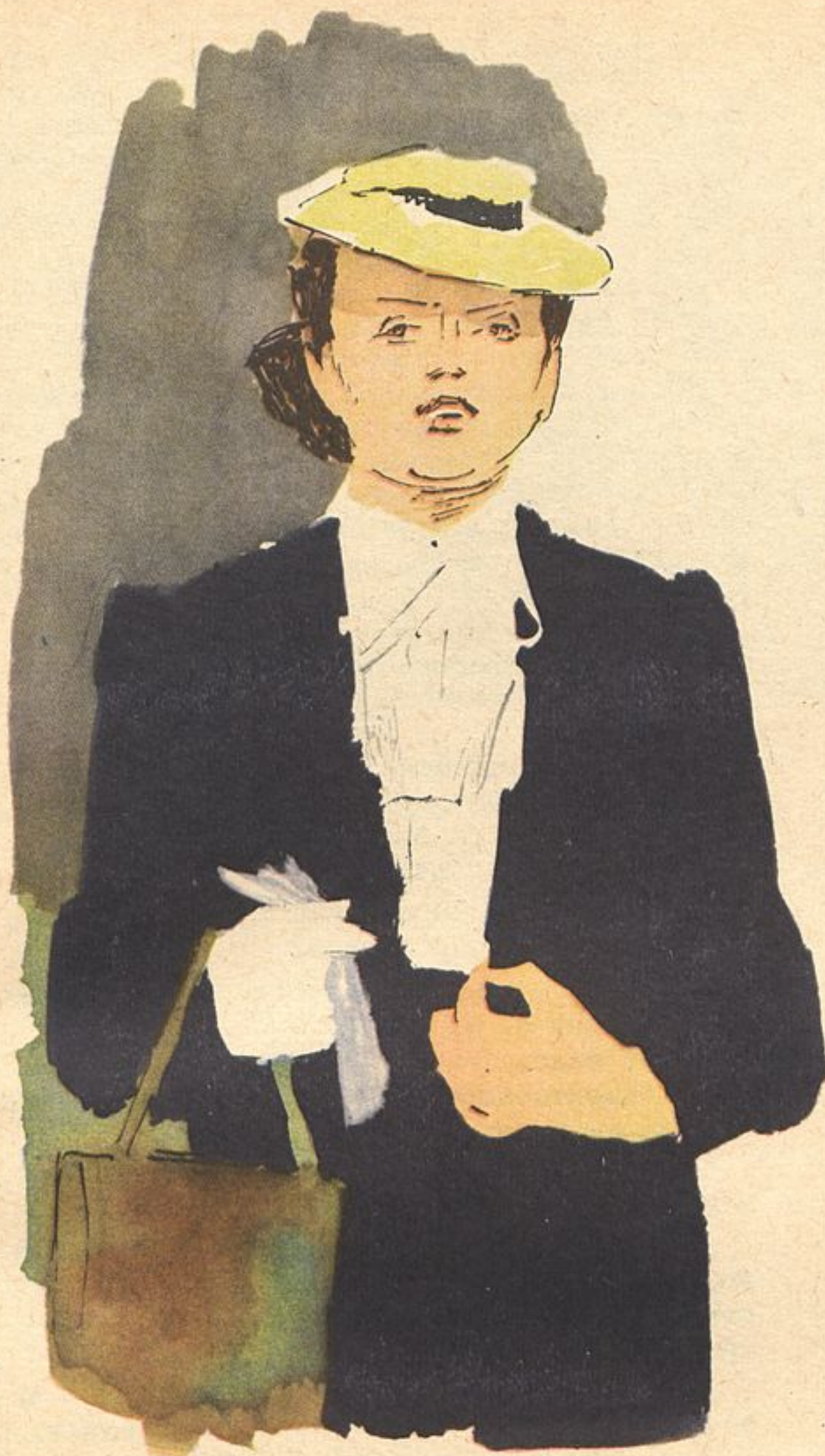
— Жалко, Нины нет, — сказал Сухов. — Как она выглядит? Всё такая же?

Мне было непривычно, что чужой человек называл маму Ниной и спрашивал, такая же она или нет. А какая же она ещё может быть?

Мы помолчали.

— А я ей фотокарточку привёз, — сказал Сухов. — Давно обещал, а привёз только сейчас. — Он полез в карман и достал фотокарточку.

На фотографии стояла девушка в военном костюме: в солдатских сапогах, в гимнастёрке и юбке, но без оружия.

— Старший сержант, — сказал я.

— Да. Старший сержант медицинской службы. Не приходилось встречаться?

— Нет. Первый раз вижу.

— Вот как! — удивился Сухов. — А это, брат ты мой, не простой человек. Если бы не она, не сидеть бы мне сейчас с тобой...

— Что же это за человек? — спросил я.

— А вот я расскажу сейчас. Тебе даже полезно узнать эту историю...

И Сухов начал рассказывать:

— Это было на войне. Меня тяжело ранили в ногу и в живот. В живот особенно больно, когда ранят. Даже пошевелиться страшно. Меня вытащили с поля боя и в автобусе повезли в госпиталь.

А тут враг стал бомбить дорогу. На передней машине ранило шофёра, и все машины остановились. Когда фашистские самолёты улетели,

в автобус влезла вот эта самая девушка, — Сухов показал на фотографию, — и сказала:

— Товарищи, выходите из машины.

Все раненые поднялись и стали выходить, помогая друг другу.

— А вы чего же лежите? — обратилась ко мне девушка. — Вставайте сейчас же! Слышите, вражеские бомбардировщики возвращаются.

— Я тяжело ранен и не могу встать, — сказал я. — Идите-ка сами побыстрее отсюда.

И тут снова началась бомбёжка. Я закрыл глаза и натянул на голову одеяло, чтобы мне не выбило глаза оконными стёклами автобуса, которые от взрывов разлетались вдребезги. В конце концов взрывной волной автобус опрокинуло на бок, и меня чем-то тяжёлым ударило по плечу. В ту же секунду вой падающих бомб и шум взрывов прекратились.

— Вам очень больно?

Я открыл глаза. Передо мной на корточках сидела девушка.

— Нашего шофёра убили, — сказала она. — Надо нам выбираться. Говорят, фашисты прорвали фронт. Все уже ушли пешком. Только мы остались.

Она вытащила меня из машины и положила на траву. Затем легла рядом лицом вниз.

— Теперь попробуйте повернуться на бок.

Я повернулся, и меня сильно затошнило от боли в животе.

— Ложитесь снова на спину, — сказала девушка.

Моя спина плотно легла на её спину. Казалось, что девушка не сможет тронуться с места, но она медленно поползла вперёд.

Время от времени она отдыхала, и слышно было её тяжёлое дыхание. Видно, она совсем выбилась из сил.

Когда мы дотащились до железнодорожной станции, было уже темно. Мы ползли десять часов.

— Вот, брат, какие бывают девушки, — сказал Сухов. — На прощанье один раненый сфотографировал её для меня на память. И мы разъехались. Я — в тыл, она — обратно на фронт...

Я взял фотографию и стал смотреть. И вдруг узнал в этой девушке в военном маму: мамини глаза, мамин нос. Только она была не такая, как сейчас, а совсем ещё девчонка.

— Это мама? — спросил я. — Это моя мама спасла вас?

— Вот именно, — сказал Сухов. — Твоя мама.

Тут вернулся папа и перебил наш разговор.

— Нина, Нина! — как всегда, закричал он из прихожей: он любил, чтобы мама его встречала.

— Мамы нет дома, — сказал я.

— А где же она?

— Не знаю, ушла куда-то.

— Странно, — сказал папа. — Выходит, я зря торопился.

— А маму ждёт фронтовой товарищ, — сказал я.

Папа прошёл в комнату. Сухов тяжело поднялся к нему навстречу, они внимательно посмотрели друг на друга и пожали руки. Сели, помолчали.

— А товарищ Сухов рассказывал мне, как они с мамой были на фронте.

— Да? — папа посмотрел на Сухова. — Жалко, Нины нет. Сейчас бы обедом накормила.

— Обед — ерунда, — ответил Сухов. — А что Нины нет, жалко.

Разговор у папы с Суховым не получился почему-то. Сухов скоро поднялся и ушёл, обещав зайти в другой раз.

— Ты будешь обедать? — спросил я папу. — Мама велела обедать, она придёт не скоро.

— Не буду я обедать без мамы! — рассердился папа. — Могла бы в воскресенье посидеть дома!

Я ушёл в свою комнату. Минут через десять папа пришёл ко мне.

— Юрка, — голос у папы был виноватый. — Как ты думаешь, куда пошла мама?

— Не знаю. Одевалась по-праздничному и ушла.

— Так-так, по-праздничному... — грустно повторил папа. — Что это у тебя за фотография? — спросил он. — Да это ведь мама!

— Вот именно, мама, — сказал я. — Это товарищ Сухов оставил. Мама его из-под бомбёжки вытащила...

— Сухова? Наша мама? — Папа пожал плечами. — Но ведь он в два раза выше мамы и в три раза тяжелее.

— А мне сам Сухов сказал. — И я рассказал папе историю этой маминой фотографии.

— Да, Юрка, замечательная у нас мама. А мы с тобой этого не ценим.

— Я ценю, — сказал я. — Только иногда у меня так бывает...

— Выходит, я не ценю? — спросил папа.

— Нет, ты тоже ценишь, — сказал я. — Только и у тебя тоже иногда бывает...

Папа ходил по комнатам, несколько раз открывал входную дверь и прислушивался, не возвращается ли мама. Потом он снова взял фотографию, перевернул её и прочёл вслух: «Дорогому сержанту медицинской службы в день её рождения. От однополчанина Андрея Сухова».

— Постой, постой! — сказал папа. — А сегодня какое число?

— Двадцать первое.

— Двадцать первое! День маминого рождения! Этого ещё не хватало! — Папа схватился за голову. — Как же я забыл? А она, конечно, обиделась и ушла. И ты хорош, тоже забыл!

— Я две двойки получил, и мама со мной не разговаривает.

— Хороший подарочек! Мы просто с тобой свиньи, — сказал папа. — Знаешь что, сходи в магазин и купи маме торт.

По дороге в магазин, пробегая мимо нашего сквера, я увидел маму. Она сидела на скамейке под развесистой липой и разговаривала с какой-то старухой. Я сразу догадался, что мама никуда не уходила. Она просто обиделась на папу и на меня за свой день рождения и ушла из дому.

Я прибежал домой и закричал:

— Папа, я видел маму! Она сидит в нашем сквере под деревом и разговаривает с незнакомой старухой.

— А ты не ошибся? — сказал папа. — Живо тащи бритву, я буду бриться. Достань мой новый костюм и вычисти ботинки! Как бы только она не ушла! — волновался папа.

Я тоже надел новую куртку, которую мама не разрешала мне ещё носить.

— Юрка! — закричал папа. — Ты не видел, на улице цветы не продают?

— Не видел, — ответил я.

— Удивительно! — сказал папа. — Ты никогда ничего не замечаешь.

Странно получается у папы: я нашёл маму, и я же ничего не замечаю!

Наконец мы вышли. Папа зашагал так быстро, что мне пришлось бежать. Так мы шли до самого сквера. Но когда папа увидел маму, он сразу замедлил шаг.

— Ты знаешь, Юрка, — сказал папа. — Я почему-то волнуюсь и чувствую себя виноватым.

— А чего волноваться? — ответил я. — Попрошим у мамы прощения — и всё.

— Как у тебя всё просто!.. — Папа глубоко вздохнул, точно собирался поднять какую-то тяжесть, и сказал: — Ну, вперёд!

Мы вошли в сквер, шагая нога в ногу. Мы подошли к маме.

Она подняла глаза и сказала:

— Ну вот, наконец-то! — Старуха, которая сидела рядом с мамой, посмотрела на нас, и мама сказала: — Это мои мужчины.

Разговор перед сном

ШУТКА

Морские свинки-детки
Спросили свинку-мать:
— Ведь мы морские свинки?
— Ну да, — сказала мать.

— А что такое море?
— Зачем вам это знать?
— Ведь мы морские свинки?
— Ну да, — сказала мать.

— А где же наше море?
— Отсюда не видать.
— А правда, мы морские?
— Ну да, — сказала мать.

— А ты морская тоже?
— Ну да, — вздохнула мать.
— А море может сниться?
— Да, море может сниться,
Но только надо спать.

Маргарита ИВЕНСЕН

Новость

Ежи ЕСЕНОВСКИЙ

Как-то кот, удрав от Гриши,
Воробья поймал на крыше.
Гриша, все игрушки бросив,
Побежал к сестрёнке Зосе
И кричит ещё с порога:
«У кота в зубах сорока!»
Зося тотчас по секрету
Позвала Елизавету:
«Наш котёнок льва не хуже —
Он орла поймал на ужин!»
Лиза — маме: «Мама, слышишь,
Я была у Зоси с Гришей.
Их котёнок очень смел:
Он слона поймал и съел!»

Иногда не замечаем,
Как слонов мы получаем!

Перевёл
с польского
А. ЛОСЕВ

Рис. Л. ТОКМАКОВА

П. ДУДОЧКИН

Рис. П. КАРАЧЕНЦЕВА

Я шёл пешком из колхоза на станцию, устал и решил заночевать у знакомого учителя. Владимир Петрович, бывалый охотник, жил подле школы, на самом краю села.

Ранним утром слышу тревожный галдёж под окнами. Оделся, вышел на крыльцо. Шумливая ребячья ватага удалялась к лесу вслед за своим учителем. Его заячья шапка и новый полушубок жёлтой дубки отливали на солнце золотистым блеском. Впереди всех бежала рыжая Лайка, верная спутница Владимира Петровича.

— Эй, дружок, что случилось? — спросил я паренька в ватной телогрейке, догонявшего своих товарищей.

— Тревога! — на ходу ответил он.

— Какая тревога?

— Тетеревиная!

С лопатой на плече он быстро бежал напрямик через сугробы, но ничуть не проваливался в снег — настолько крепким был наст. Сразу после оттепели стукнул сильный мороз, оттаявший верхний слой снега смёрзся: идёшь, как по мосту, только скрип стоит.

Было непонятно, что встревожило учителя и его воспитанников. Может, медвежью берлогу выследили? Тогда почему ни у кого, даже у Владимира Петровича, нет ружья? Зачем понадобились лопаты? Долго не думая, я поднял воротник и поспешил в лес.

На окружённой берёзами маленькой полянке происходило такое, чего мне никогда не доводилось видеть: взметая снежные вихри, большущие чёрные птицы с шумом взлетали из-под ребячьих ног, громко хлопали крыльями, будто пугали всех. Только и раздавалось: «Шу-ух-порх! Шу-ух-порх!»

Собака металась то туда, то сюда и заливалась звонким лаем.

Раскрасневшиеся ребята, сбросив полушубки, крошили лопатами наст. Весёлые звенели голоса:

— Ого, какой! Довольно спать!

— Эй, черныш, вылезай из плена!

Обдавая детвору снегом, испуганные птицы тяжело поднимались в воздух и, хрустя заиндеветыми ветками, прятались на деревьях.

Это были тетерева, лесные черныши-красавцы.

Оказывается, в зимние вечера, особенно в лютые морозы, стаи тетеревов, наглотавшись мёрзлых берёзовых почек, выбирают укромные лесные полянки, камнем падают с деревьев в рыхлый снег, закапываются и ночуют в снежной спальне: тепло и не дует, а главное — теперь уже не отмёрзнет отвисший зоб, очень остывший от льдистой еды. На завтра, выпавшись в мягкой постели, черныши взлетают на берёзы, чтобы полакомиться почками.

Спят птицы чутко. Когда нет наста, они легко выпархивают из глубокого снега.

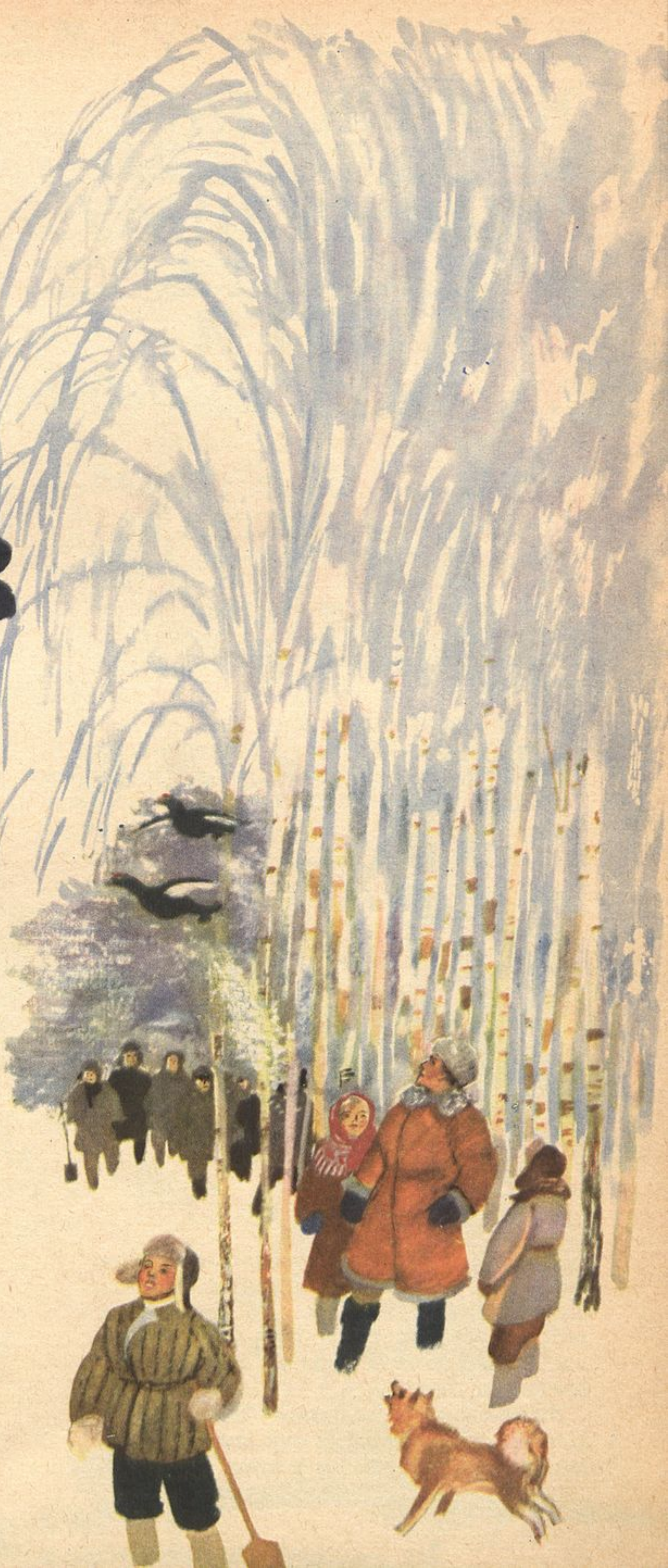
Если впотьмах попадёшь на такую полянку, с непривычки жуть возьмёт, как под самым носом поднимутся снежные вихри: «Шу-ух-порх! Шу-ух-порх!»

Охотники-природолюбцы всегда примечают тетеревиные ночлежки, чтобы выручить птиц из беды. Ведь бывали случаи, когда весной находили на лесных проталинах десятки погибших косачей.

Долго хлопотливый учитель водил своих юных друзей по «тетеревиным гостиницам», чтобы вызволить пернатых пленников из-под снежной корки. Ребята и сами уже наловчились угадывать, где заночевали косачи: примечай в снегу неглубокие ямки (они хорошо заметны, если не было снегопада) — и кроши наст. Поблизости от ямки, сделав в снегу небольшой коридор, наверняка дремлет затаившийся черныш. И Лайка помогала. Понятливая, она подбегала к ямкам в снегу и лаяла, предупреждала: «Вот где тетеревиная спальня!» «Чу-фык! Чу-фык!» — доносилось из мёрзлых шуршащих веток.

— Слышите? — вытирая со лба пот, спросил Владимир Петрович своих юных помощников. И пошутил: — Это косачи на своём языке нам говорят: «Спасибо, что из неволи выручили!»

Ребята, счастливые, смеялись.

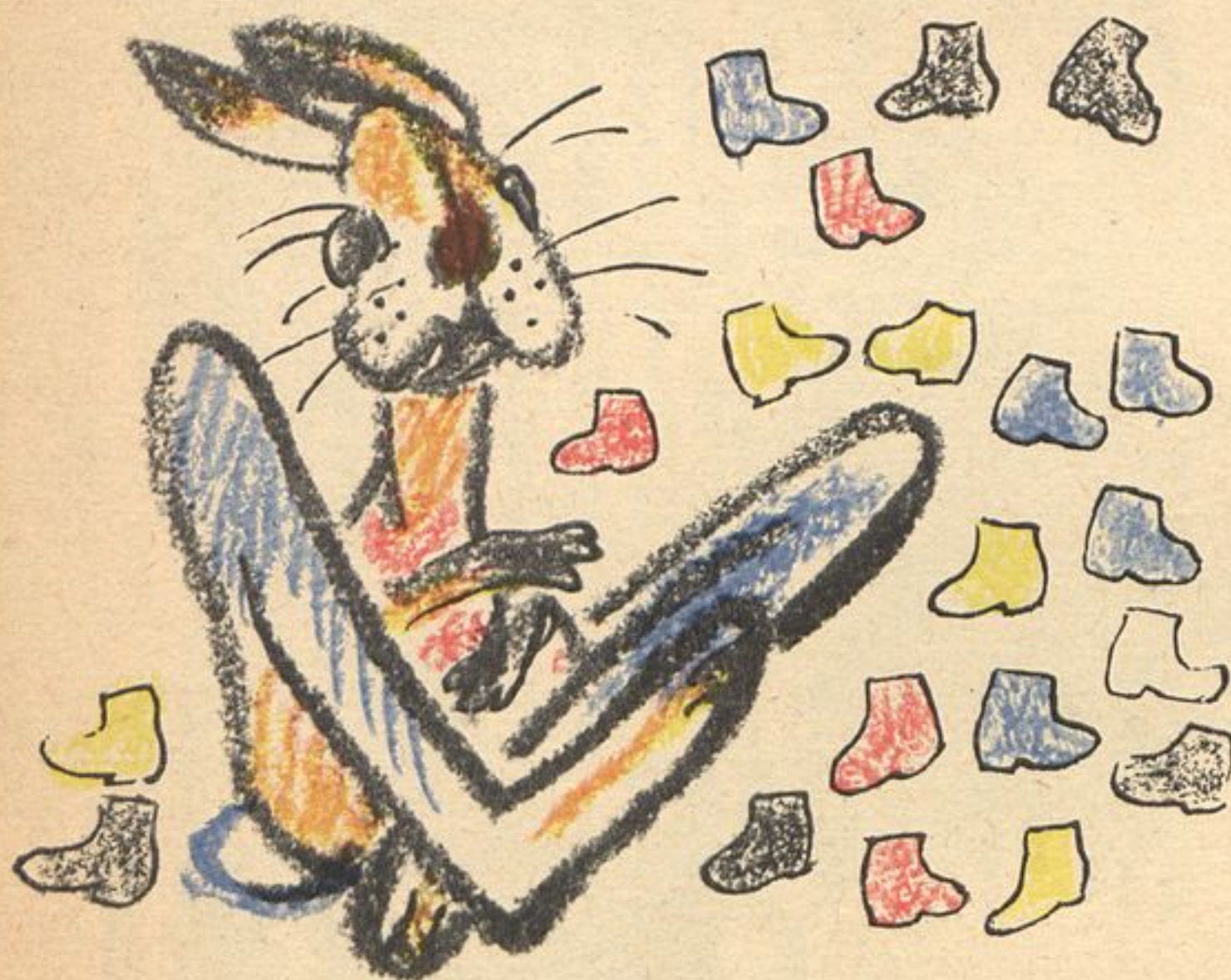

КАК ЕЖАТАМ ШИЛИ НА ЗИМУ САПОГИ

Эва БИЛЛОУ

Рис. М. МИТУРИЧА

У папы-ежа и мамы-ежихи было десять ежат. И так трудно приходилось с ними бедным папе и маме! Пусть бы ещё было у них четверо или пятеро детей, как во всех других ежовых семьях. А то целых десять, и к тому же мальчиков! Нет, это уж слишком!

Бедная мама-ежиха возилась с утра до вечера, а папа-ёж ей помогал. Иногда, правда, случалось и так, что папа-ёж сидел и читал газету, потому что ведь все папы одинаковые и должны знать, что делается на свете.

Маме-ежихе и отдыхать было некогда. Целыми днями чистила она колючие шубки ежат да утирала им носики.

Летом было тепло, и ежата бегали босиком. Но осенью в лесу стало так сыро и холодно!

Ежата стали приходить домой с мокрыми ногами. И не проходило дня, чтобы кто-нибудь из них не подхватил бы насморка или кашля. Мама-ежиха теперь только и делала, что поила ежат чаем из бузины и кормила мятными лепёшками.

— Нет, зимой ребята никак не могут обойтись без сапог, — решила мама-ежиха.

Но сколько же сапог надо заказать для всех десяти, если у каждого по четыре лапки? Долго считала мама-ежиха, пока не высчитала, что всего надо сорок сапог.

Подумать только, так много! Прямо-таки настоящее разорение! Вот они все, сапожки, на картинке. Сосчитай-ка их!

Долго раздумывала мама-ежиха, как быть, и, наконец, додумалась. Она достала из сундука шкурку змеи, накинула на голову тёплый платок и отправилась к длинноухому зайцу-портному, который жил за соседним кустом.

— Зайчик, а зайчик, не скроишь ли ты из этой шкуры моим ежатам на зиму сорок сапог? — спросила мама-ежиха.

Заяц-портной обещал и сам принёс на другой день к вечеру заготовки.

— Извини, но шкуры змеи, что ты принесла, хватило всего на двадцать сапог, — сказал огорчённо заяц-портной, — как раз по паре на каждого. Что ж, видно, придётся твоим ежатам выучиться ходить на двух задних лапах.

Мама-ежиха поблагодарила зайца-портного и отправилась к дровосеку-дятлу.

— Дятел, а дятел, не мог бы ты сколотить из этих десяти пар заготовок сапоги на зиму для ежат? — спросила мама-ежиха.

Дятла, конечно, долго упрашивать не пришлось.

— С этим делом я живо упррррравлюсь, приходи вечеррррром! — отвечал дятел-дровосек, стуча длинным клювом по дереву.

Но когда мама-ежиха вечером пришла за сапожками, оказалось, что у дятла на все десять пар не хватило гвоздей, и сделал он потому только половину, то есть пять пар, или десять сапожек.

— Дела совсем плохи, не хватает гвоздей и многого чего другого, — сказал дятел-дровосек. — Но не горюй. Десять сапожек и десять мальчиков, как раз всем по одному!

Маму-ежиху очень огорчило всё это. Как же быть? Разве хватит каждому по одному сапожку? Не иначе, как придётся ежатам выучиться прыгать на одной ноге.

Оставалось ещё смазать сапожки жиром, чтобы они не пропускали воды, и мама-ежиха отправилась для этого на озеро к выдре.

Выдра как раз только что вынырнула из воды. Увидев маму-ежиху, она спросила, чем может служить. Тут мама-ежиха всё ей рассказала, и выдра взяла сапожки.

Но когда мама-ежиха на другой день пришла, оказалось, что выдра половину сапог уронила в воду и никак не может их достать.

— Но не огорчайся, ведь пять сапог я все-таки возвращаю тебе, и твои ежата могут гулять в них по очереди, не все сразу.

Что оставалось делать маме-ежихе, как не поблагодарить за совет! По дороге домой она всё время думала, что тут можно придумать, да так и не придумала, и решила спросить у ежат.

мудренее, — предложил папа-ёж, которому страшно надоела возня.

И тогда папа, мама и дети пожелали друг другу спокойной ночи и скоро заснули. И все они так крепко спали, что не проснулись ни на другой день, ни через неделю, ни через месяц. И дни и ночи раздавался громкий храп из жилища ежа.

позвала она, войдя в дом.

— А ну-ка, давайте подумаем, как пять сапожек разделить между всеми.

Ежата тотчас же принялись соображать. Шутка ли, пять сапог разделить между десятиными, когда у каждого из них по четыре лапы, а значит, у всех вместе — сорок лап. Может быть, надеть их на две лапы Кнютте и на три лапы Пигге? Два и три — как раз будет пять. Или, может быть, так: надеть на все четыре лапы Коттэ и взять в придачу одну лапу у Пютте? Четыре и один — тоже ведь будет пять. А то, может быть, к трём лапам Нике прибавить две лапы Викке?

Что только не предлагали ежата! И кругом стоял такой шум и гам, что скоро у всех ежат, у папы и мамы разболелась голова.

— Не пойти ли нам спать? Утро вечера

Дело в том, что ёжики спят всю зиму и не просыпаются до весны. Зимние сапожки ежатам поэтому совсем не нужны, весной они смогут снова гулять по лесу босиком. Вот об этом-то и забыла мама-ежиха.

*Перевела со шведского и обработала
Ирина ЭЛЬКОНИН*

НАБЛЮДАЙ САМ

Март месяц — начало весны. Пусть всюду ещё лежит снег, но солнышко светит и греет уже по-весеннему.

Скоро оно растопит снега, в полях запестреют проталины, и в наши края из южных стран вернутся крылатые путешественники.

Ребята, пора позаботиться об их приюте. Для разных птиц нужны и различные домики. Наш художник нарисовал здесь несколько образцов скворечников и дуплянок. Постарайтесь сделать их попрочнее, чтобы нигде не было трещин, нигде не дуло. В худом помещении птицы неохотно гнездятся.

Как только домики будут готовы, спешите развесить их в саду, в парке, в ближнем лесу.

Внимательно следите за тем, чтобы никто не разломал ваших скворечников, не помешал птицам в них поселиться.

И вот ещё, ребята, какое вам задание: с марта месяца все натуралисты начинают вести календарь природы. Давайте и мы с вами его заведём. Достаньте тетрадку, а также альбом для

рисования или просто сшейте несколько листов гладкой неразлинованной бумаги. Вот альбом и готов.

В тетрадку вы будете записывать всё новое, что подметите в природе. Только не забывайте ставить число под записью ваших наблюдений. В альбом же будете зарисовывать то, что увидите.

Внимательно проследите за первыми признаками весны:

заметьте, когда в полях по буграм появятся проталины;

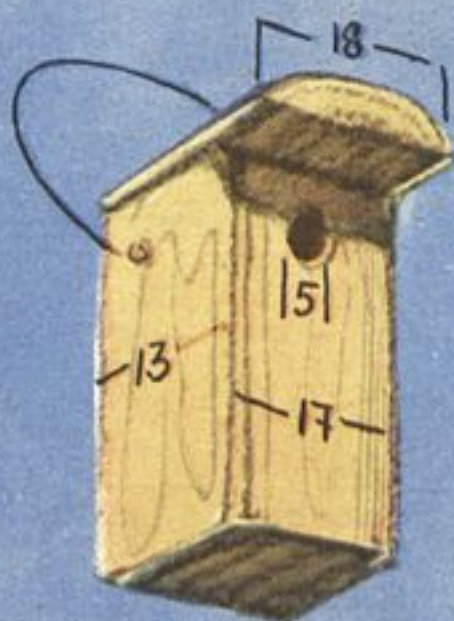
когда прилетят в ваши края чёрные белоносые грачи;

когда на веточках вербы раскроются почки и из них покажутся забавные цветы, похожие на серых пушистых зайчиков.

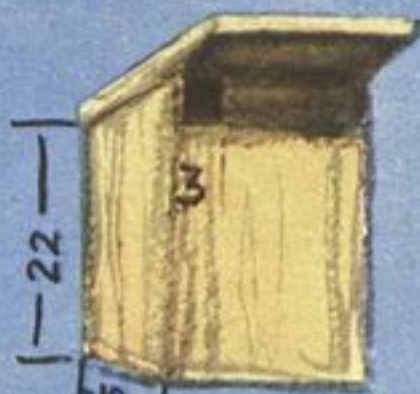
А если удастся побывать в поле, послушайте, не звенит ли высоко в небе весенняя песня жаворонка.

Обо всём, что увидите нового возле дома, в саду, в поле или в лесу, напишите в своём календаре (в тетрадке).

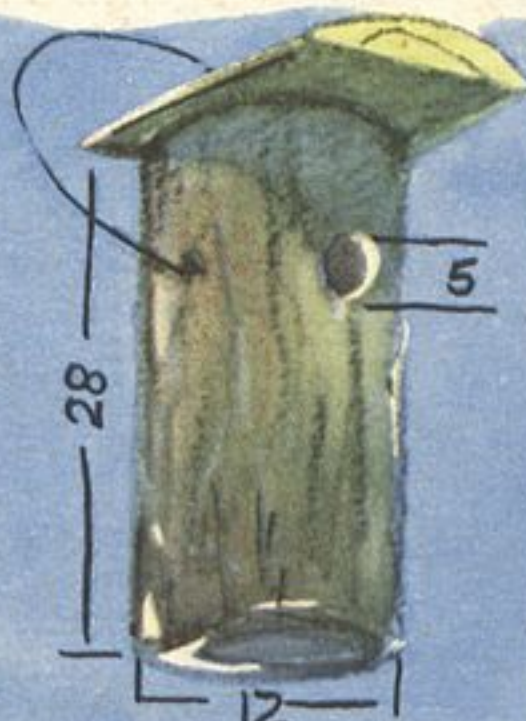
Календарь природы аккуратно ведите весь год: весной, летом, осенью и зимой. А потом, к концу года, пришлите его нам. Если вы, ребята, будете хорошо наблюдать, аккуратно записывать и старательно рисовать, мы соберём все ваши работы и к Новому году устроим выставку «Календарь природы читателей «Мурзилки».

СКВОРЕЧНИК

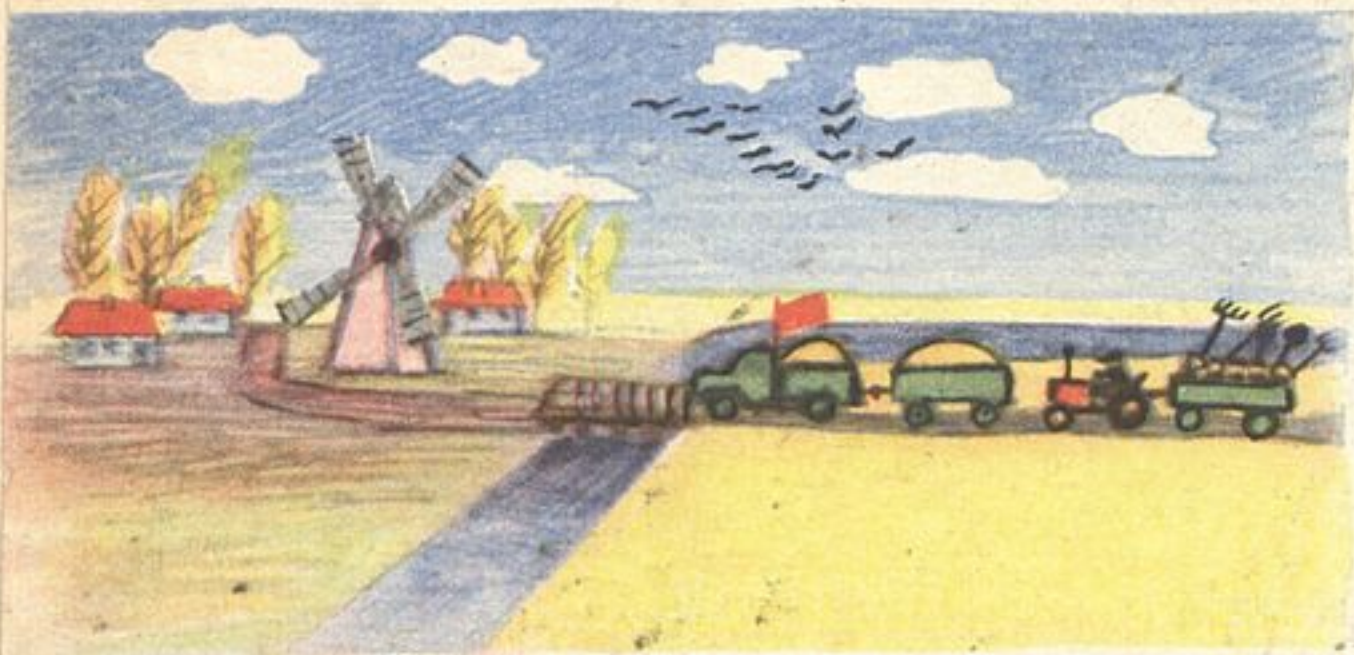

СИНИЧНИК

ДУПЛЯНКА

СИНИЧНИК
ИЗ БЕРЕСТЫ

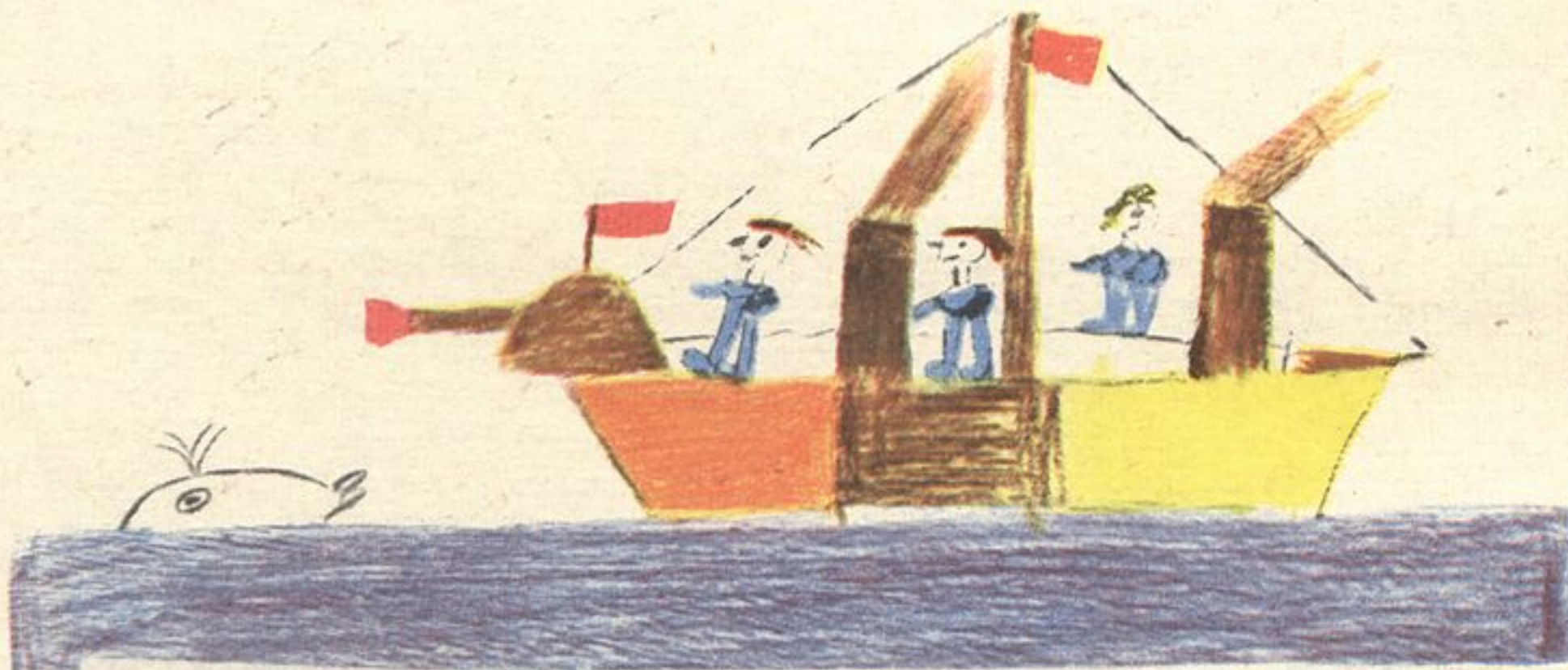
«Урожай». Рисунок Юры Мелькова, 8 лет, г. Смоленск.

«Незнайка и его друзья». Рисунок Аси Пышкиной, 8 лет, г. Москва.

«В Крыму». Рисунок Валерия Полякова, 11 лет, г. Рузаевка Мордовской АССР.

«Китобой». Рисунок Саши Селинова, 6 лет, г. Старо-Константинов Хмельницкой области.

На обложке рисунок Т. ЕРЕМИНОЙ

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), М. КОРШУНОВ, Ю. КОРИНЕЦ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, К. ОРЛОВА (ответственный секретарь), Е. РАЧЁВ.

Худож. редактор Ю. Молоканов. Техн. редактор Г. Голубкова

Год издания тридцать шестой. Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ

«Молодая гвардия». Подп. к печати 27/1 1960 г. Бумага 60×92¹/₈. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2664.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Суцёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.